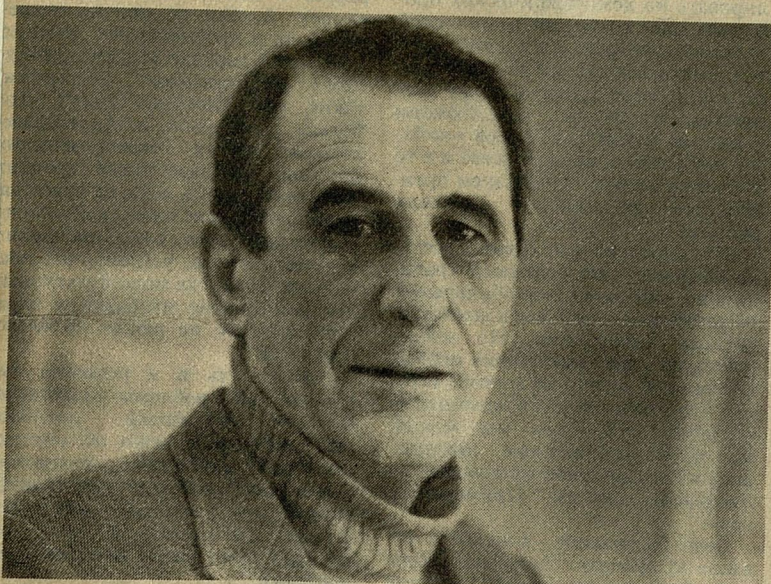

«МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ» № 10, 10 марта 1985 г.

Вячеслав Кондратьев:

Рассказать о войне нужно все...

Имя Вячеслава Кондратьева стало известно читающей публике сравнительно недавно, в 1979 году, но оно так прочно вошло в литературу, что кажется, мы знаем писателя чуть ли не с первых послевоенных лет. А между тем, когда автор опубликовал свою первую повесть «Сашка», ему было 59 лет.

— Чем же объясняется ваше столь долгое молчание?

— Для меня самого это неясно, во всяком случае сразу после войны писать о ней так, как я пишу сейчас, наверное, было нельзя: зачем людей, только что вышедших из пепла, крови, смерти, снова возвращать туда? Это было бы слишком жестоко.

А вот когда уже прошло много лет, стало ясно, что рассказать о войне нужно все. Важна каждая рытвинка на поле боя, каждый эпизод: только тогда будет полной вся картина войны, увиденная очевидцем.

— В 1941 году вы были уже вполне сложившимся человеком. Какие же чувства владели вами, когда пришлось прямо столкнуться с фашизмом?

— Мое поколение войну предчувствовало, и многие поэты еще в конце 30-х годов писали об этом. Стихи писал и я, можно теперь назвать их «пророческими». На листочке из блокнота, который до сих пор у меня хранится, поначалу строка «может быть, впереди ожидают уж нас...», потом, когда война началась, поправлена: не «может быть», а «наверняка»; а когда ехал в эшелоне на фронт, еще исправил — «теперь уже точно... ожидают уж нас сверкающей сталью снаряды, и ужас раскрытых невидящих глаз, и холодное слово «надо». Вот это слово «надо», вышедшее из юношеских четверостиший, оказалось самым главным на войне.

Мне вступить в войну было несколько легче, потому что два года службы в армии на Дальнем Востоке дали и хорошую физическую закалку, и готовность моральную. Мы видели на парадах части, которые участвовали в боях на Халхин-Голе, Хасане, так что реальность войны существовала наглядно.

На фронт я попал в феврале 1942 года, когда закончилось зимнее наступление под Москвой. Самым близким от столицы местом, где засели фашисты, был Ржев, там шли очень тяжелые бои. Наступала весна, распутица, тылы были растянуты, снабжения не хватало...

Ржев, кажется, единственный город в стране, в котором бои продолжались почти полтора года, бои непобедные, какие-то будничные... Вот о них-то я и боялся поначалу писать, не желая «огорчать» читателей.

20 лет прошло, и все-таки внутренняя необходимость рассказать о пережитом заставила меня сесть за машинку. Написал 300 страниц, назвал условно «ржевской прозой». А потом потянуло меня на место первого боя, в деревню Овсянниково, Черново. Да и хотелось разыскать хоть кого-

нибудь из однопольчан, было страшное ощущение, что из всех 50 младших командиров дальневосточников, с которыми три года служили, никого в живых не осталось.

Так вот, почему-то захватив с собой рукопись, добрался я на поле первого боя, прошел по бывшей передовой, просчитал шагами, сколько она тянулась. Минус 42-го 19 лет, а передовая была почти такая же — валялись еще каски, котелки, обмотки, гильзы от снарядов, после дождя блестели наполненные водой воронки от мин — по всему лесу этикие блюдца. А люди здесь жили все время, куда бои шли, и женщины, и дети. Пришел я в деревню после своего похода на передовую, полистал рукопись и понял, что написал не то.

Прошло еще 15 лет, и только тогда, снова сев за машинку, написал я «Селижаровский тракт», затем — повесть «Сашка». Не зная, что такое инверсия или эллиптические предложения, писал так, как чувствовал, как требовало пережитое и передуманное.

— Стало быть, вы уже понимаете, как надо писать?

— Знал, как не надо писать. А вот когда появились повести Быкова, Бондарева, Бакланова, особенно его «Пядь земли», — это было близко мне. Компактность, собранность, правдивость психологии и деталей быта, которую я нашел в их книгах, подтолкнули меня на мой путь.

— Не жалеете, что столько лет занимались другой работой?

— Даже рад, например, что не увидели сцены мои первые опыты в драматургии. Всему свой черед, незачем незрелые вещи публике демонстрировать.

— А помогла ли вам в работе писателя профессия художника-плакатиста?

— Наверное, пригодилась: фиксировались какие-то детали, впоследствии очень важные.

Вот недавно возникла трудность, когда писал один рассказ: не помню названия сигарет, которые мы находили во вражеских окопах. В солдатских портсигарах немцев была карта великой Германии. Вот пропаганда! Закурил фриц — и пожалуйста, любуйся!

— Ваша недавняя повесть о первых послевоенных месяцах «Встречи на Сретенье» вызвала споры и у читателей, и у критиков. Кто-то даже упрекнул вас в подражании Ремарку.

— Специально не перечитывал его книг, но знал, что совпадения будут неизбежны. Давно хотелось написать о людях, только что вернувшихся с фронта. В каком-то смысле жизнь там была беззаботной, не приходилось думать об одежде, крове, куске хлеба. Есть еда — накормят, нет — жди, когда привезут. Сапоги прохудились — потери, заменят.

А пришло мирное время, начались будни, ох как непросто стало тем, кто уходил на фронт, не имея ни образования, ни профессии. Нужно было перестраиваться на мирную жизнь, а такая перестройка не для всех была безболезненной. Вот об этих людях, об этой паузе я и написал — так, как видел и чувствовал.

— Бывает ли у вас ощущение, как и у многих, переживших войну, что это было лучшим временем жизни?

— Мы вспоминаем те трагические годы и как самое чистое, самое сильное время — время особого единства народа, слитого стремлением разгромить врага и отдававшего во имя этой цели жизнь на фронте и в тылу. То было время необыкновенной высоты духа.

Помните, Симонов говорил, что мы прошли испытание голодом, теперь надо пройти испытание сытостью. Оказывается, что это не менее сложно.

— Считаете ли вы, что писатель должен рассказывать лишь о том, что сам пережил?

— Это непростой вопрос, но для меня он ясен — буду и дальше писать о своем поколении, о том самом, которое выиграло войну, победило разруху, поднимало страну из руин... Литература не может быть безоблачной, в ней отражаются все жизненные противоречия и конфликты, но литература должна помогать людям жить и верить.

Для меня было очень важно на одной из читательских конференций услышать: «Мне 22 года. Еще до службы в армии прочел вашего «Сашку», и повесть во многом подготовила меня к тем трудностям, с которыми пришлось столкнуться».

Чтобы страна была в безопасности, нужно ее молодым защитникам говорить правду — и о войне, и о мирной жизни. Это я и стараюсь делать в своих книгах.

Интервью вела
Татьяна АРХАНГЕЛЬСКАЯ.